

В паре с одиночеством

Монопьеса. Мелодрама

Действующие лица:

Эвелина, Эва – женщина 50-ти лет

Жак

Кирилл герои без слов, возникающие в ее воспоминаниях

Муж

Действие происходит в комнате: виден угол тахты или разложенного дивана; столик, сервированный на двоих, со стульями или банкетками; кресло возле торшера, зеркало, складная штора.

Из прихожей слышатся невыразительные голоса, звук закрывающейся двери, щелчок замка, и в комнату возвращается Эва в красивом халате. Она останавливается у зеркала и, с радостью рассматривая себя, начинает свой монолог.

– Ну!.. И как чувствует себя женщина для услады?.. А... очень даже хорошо! Замечательно!.. Может, мне считать себя гейшей? Постсоветской. Вернее, постсоциалистической. На рыночную я все же не тяну...

Последние слова она говорит, уже подходя к балконному окну. Открыв дверь, она какое-то время всматривается в шум улицы и наконец, найдя искомый объект, целует свою ладонь и сдувает поцелуй с нее. Дождавшись тишины, отходит от окна, садится в кресло, берет книгу, открывает и читает:

А калі й прыйдзе час расстання,

Скажу табе, каханы мой:

Удзячна Богу за спатканне,

Удзячна сэрцу за спрыянне:

Каб дотык нашых рук,

Так душы нашы сплёў...

Помолчала. Тихо опустила на колени и заговорила:

– О, Господь мой! Если имя твое – Любовь, – положи и мою Любовь на чашу весов, чтобы по доброте твоей моя Любовь перевесила грех мой! Аминь.

После паузы достала свечу и иконку из своей сумочки и продолжила.

– И прости, Боже милостивый, только что ушедшего мужчину, по всему видно – мою вторую половину, которого мне было суждено долго, долго ждать. Было суждено ждать, а я – грешная – не ждала, а искала, искала...

Потому и грешила. Прости! И ему прости! И помоги нам любить так, чтобы наша любовь делала нас лучшими, добрейшими. Аминь.

Задула свечу, поднялась.

– Мы все пораненные. А раны надо лечить. Душевные раны — любовью. И если я свои — рядом с тобой, большего счастья мне не надо. И я бесконечно счастлива, что дождалась, наконец, «спелого» винограда. Зеленый я всегда обходила. А вот недозрелый — пыталась селить в своих ладонях...

Рассматривает свои ладони.

– Иногда так старалась выспелить, что руки уставали и падали, рассыпая виноградинки. Это, наверное, потому что старались руки, а не сердце. Оно не любило. Сердце ждало, временами ныло. Но, к счастью, не долго. Жила в нем сладкая надежда. И надежда сбылась! И сердце распознало мою вторую половинку, потому так широко раскрыло свои створки и впустило без колебаний. И теперь сидит он вот здесь.

Трогает область сердца.

— И не занозой сидит, а солнечным лучиком. Совсем как в этом стихотворении.

Открывает опять книгу и читает:

Удзячна лёсу за прызнанне
У ім таго,
Чыё вачэй цяпло
У душу здранцвелую маю
Праменьчык сонца
Здолеў пасяліць...

– Солнышко ты мое осеннее!

Засмеялась воспоминаниям.

– Все спрашивал: «Почему осеннее?» Потому, говорю, что светишь редко, но зато так нежно, не обжигая. Я так люблю твои руки, милый! Мне так хорошо в них! Уютно, тепло.

Как будто тонет в его объятиях, прижимается щекой к его ладони...

– Люблю целовать их! И всего тебя. Какое же безмерное счастье любить мужское тело, его запах! Многим из женщин не дано этого знать. Не дано знать, что целовать любимого – куда большая благодать, чем быть зацелованной. Целовать может и нелюбимый. И приходится иногда с этим мириться. Надеешься привыкнуть. Утешаешься, что тебя любят. Но это же эрзац, а не любовь! И неполюбившую – не любят. Ею пользуются – и только!

Заволновалась, поднялась и заходила.

– Конечно, мы надеемся, что слюбится. Но такое бывает не часто. Обычно для этого нам чего-то не хватает: у одного – юмора, у другого – интеллекта, у

третьего еще чего-нибудь. А когда чего-то не хватает, то и не тяжело и терять. Если ума и такта хватает, расстаются полюбовно. Чтоб остаться, если не друзьями, то и не врагами. Чтобы вспомнил иногда, позвонил, поздравил.

Эти рассуждения возвращают ей спокойствие, настраивают на юмористическую волну. Она подходит к зеркалу.

– Тебе, дорогая, как будто ума хватало. Вернее – разума. А разум идет от интуиции. И опыт есть, какой-никакой!

Присела опять.

– Может, мне начать писать воспоминания о моих мужчинах? А может диссертацию на тему: «Роль любви...» Так, здесь надо... что-то не очень понятное, но интеллектуальное. Ну, скажем: «Роль любви в воспоминании менталитета нации» (*Хохочет*) Ну и загнула ты, Эвелиночка! Хотя звучит!.. И не менее научно, чем тема «Расколка древесины методом нанесения удара». Так, кажется, звучала тема диссертации одного из моих мужчин. Разве не смешно? А моя тема может быть не только интересной, но и полезной. Ведь мой народ, мы, белорусы, никогда не начинали войн. А ведь если бы люди были гармоничны, умели любить – у них не было бы времени на вражду, на грызню. Ой, Эва! Хватит. Скажи спасибо, что сама, как оказалось, умеешь любить. И не беда, что методом проб и ошибок пришла к тебе любовь настоящая. Как в пословице говорится: «Лучше позже, чем никогда!» А народ знает, что лучше. И еще, твои, Эвочка, пробы и ошибки убедили тебя в том, что ты, дорогуша, не создана для семейного мирка, для миссии жены, по крайней мере.

Поднялась и с чувством горечи начинает убирать со стола посуду на поднос.

– А сколько нас таких?! И все стремимся надеть на себя ярмо замужества, чтобы потом всю жизнь доказывать мужу, что ради него она пожертвовала собой, карьерой. А ему на нашу карьеру наплевать! И нам плохо. И мы стонем, канючим, как щенки, пищим, но лезем в этот хомут. Ведь каждая думает...

Оставила занятие.

– Ну чем я хуже? Что я – есть не наварю? Не постираю белье? Да не хуже других. И для себя одной это делать приходится! Но главное – в другом: надо уметь быть самодостаточной в житейских интересах, в интересах мужа, детей. А на это нужен талант. И как всякий талант – он не густо посеян Всевышним. Его надо уважать, на него равняться. И тогда меньше будет беспросветных браков и трудных детей.

Выносит поднос. Возвращается, продолжает.

– Как показала моя жизненная практика – хорошей женой я стать не смогу,

ну а плохой – не хочу. Тем более, что об этом мне было сказано еще в мои двадцать считай. И сказано не со злобой. Наоборот, от сострадания. А я не поверила. Как можно было поверить? Столько поклонников...

Взяла с нижней полки столика альбом. Листая:

– Вот здесь мне шестнадцать. Ничего девочка! Беленькая с черными глазами. А вот и первый поклонник. Я называла его Алодиком. Отличник! Вначале решал мой вариант. И чертежи не только делал, но и сам сдавал. Интересно? Учитель видел одну руку? Думаю – да, потому ставил мне только четверки.

Полистала и положила на место.

– Потанцевать с Алодиком соглашалась, но от проводов – наотрез отказывалась. Ага, – думала, – полезет целоваться, а мне ему пощечину залепить, как в кино показывают. А как же контрольные, а черчение? Видишь, Эвелина! Ты с детства жила рассудком. У тебя на первом месте было: «Умри, но не дай поцелуя без любви!» Я его так и не полюбила. Зато его полюбила моя подружка Майка. И даже стала ему женой, не задумываясь, будет ли она хорошей. Зато как она старается показать мне, какой у нее хороший муж, как он ее любит.

Садится и изображает из себя Майку.

– «Владислав! Принеси мне мохеровую шаль. Что-то зябко стало». И хоть Владиславу доподлинно известно, что не может быть зябко под таким слоем жира — он приносит и набрасывает шаль на тумбу 60-го размера. И мы оба понимаем: нам доказывают, кто королева на этом балу. *(После паузы)* Ошибаешься, дорогуша. Он просто обеспечивает тебе сытую жизнь. Похоже, очень сытую! И может, специально. Чтобы за твоими широкими плечами искать улады рядом с миниатюрной и деликатной. И дай ему, Боже Милостивый, женщину для праздника души! Мне жаль его, такого обаятельного и безмерно усталого мужчину. И я чувствую за собой грех. Все же я могла бы быть для него лучшей женой, чем Майка, которая гордится не им, а только тем, что в ее квартире два туалета... Вот дура!..

Спыхватясь.

– Ой! Ну и дрянь же ты, Эва. Чего прицепилась к бедной, разумом обделенной Майке? Прости, Господи. Ну, не может она быть другой. В этом не вина ее, а беда. Видать, я все же ей немножко завидую: при Аладике пожила бы и в Каире, и в Париже, о котором мечтаешь всю жизнь.

Пауза.

– Да, мечтала! Мечтала, наивно, конечно, встретить там Жака. Свою первую любовь. Красивую сказку. Но она была! Жак был наполовину белорусом по матери. Как славянист из Сорбонны, он прибыл в Минск для прохождения стажировки в БГУ. Меня с ним познакомил мой преподаватель. И я

влюбилась с первого взгляда в этого мужчину: белоснежная майка на натренированных загорелых плечах, белозубая улыбка на таком же загорелом лице. И запах, который окутывал его. Я не перестаю думать и теперь: почему он выбрал меня, Вокруг его было столько аспиранток. Но тогда я об этом не думала, я была на седьмом небе от счастья. Целый год я, корректор, собирала деньги на зимнее пальто, но потратила их за один день. И на что?

Выходит и возвращается с небольшим чемоданчиком. Начинает из него доставать вещи

– Я купила вот этот костюмчик.

Прикладывает его к себе.

– Похоже, он и сейчас мне подойдет.

За шторой сбрасывает халат и надевает его. Подойдя к зеркалу:

– Он опять в моде! Как хорошо, что я сбросила пару килограммов. Скоро меня увидит в нем мой любимый номер два. Все же первым был Жак. Но они так похожи в любви!

Достает туфли.

– Мои первые импортные туфельки. (Надевает их). Отлично!

Вынимая, кладет на стол.

– Сумочка, перчатки. Словом, я хотела стать девушкой из модного журнала, потому что, любя его, я полюбила себя. Мой преподаватель только ахнул, а Жак взял мою руку, поцеловал и сказал: «Мадемуазель, вы очаровательны!» Душа моя пела. Я почувствовала себя женщиной, почти королевой, когда шла с Жаком сквозь строй аспиранток, живущих в этом же, где Жак с преподавателем, общежитии. И началась у меня красивая, почти заграничная жизнь: вечером походы в кино, театр, а затем ужин в кафе или ресторане.

Садится за столик и предается воспоминаниям, в ходе которых Жак появляется за столиком.

– Мы сели за стол, накрытый белой скатертью. На столе стояли красивые фужеры. Пока мы ждали официанта, Жак брал мои руки в свои. У меня кружилась голова. Мое сердце наполнялось горячей кровью. Мне хотелось быть его рубашкой, чтобы обнимать его плечи. Возможно, он читал это в моих глазах, и я позволяла ему это видеть... и не отнимала рук.

Жак исчезает.

– И однажды он спросил меня, еле шевеля губами: «Эвочка, детка моя, ты еще девушка?» И на мое короткое «Да» -- рука его как бы сомлела... Но через короткое время он поцеловал мою ладошку. О, лучше бы он этого не делал!

Рассматривает свои руки, гладит их.

– Мои руки и есть мои эрогенные зоны. Правда, тогда я еще этого не знала. Мы вообще ничего не знали об интиме. А слово «секс» и не слышали. Мы знали одно: дает девушка себя сильно обнимать и целовать – значит, согласна и на большее. Но этого большего боялись. Старались избегать. Берегли свою честь. Это сейчас мы читаем и знаем, что объятия до изнеможения заменяют секс. Где это у меня статья об этом?

Берет журнал с полочки, листает.

– Вот. Американка Тамила Эдмарк на основе своего и изучаемого опыта написала монографию. Так. Лучше всех знают толк в этом, пишет Тамила, те, кому за сорок. Интересно! А как быть двадцатилетним? Так. Приводит цифры: простой поцелуй увеличивает пульс с 70 до 150 ударов, и таким образом прогоняет добавочный литр крови, что очень полезно для клеток. А это предупреждает старение. Вот как! Поэтому американки так молодо выглядят! Оказывается, во время поцелуя замедляется выделение некоторых химических соединений. Поцелуеманы редко страдают от болезни крови, желудка, желчного пузыря и бессонницы. Вот так! Если бы люди больше целовались, они бы меньше гневались, расстраивались, бранились, а поэтому и не болели бы, оказывается.

Отложила журнал.

– И мой Жак был, конечно, поцелуеманом. И до того же человеком милым, деликатным. Я помню наш первый вальс в ресторане.

Поднялась и напевая, закружилась.

«Я помню вальса звук чудесный,

Свою руку в его руке.

И голос, голос тихо-нежный:

«Мадумазель, вы милы мне»

Сказка! Но, как и все сказки, и эта кончилась.

После паузы наливает себе вина и отпивает немножко.

– Не знала я, бедная советская студентка-заочница, что нам – комсомолкам нельзя не то, что замуж выходить, даже встречаться с человеком из-за рубежа.

Из-за волнения поставила бокал, поднялась и заметалась по комнате.

– Боже! Какая жестокая судьба. Мне дано любить двух мужчин, за которых я не могла и не могу выйти замуж. В первом случае нас разлучила политика. Кураторша, дебелая бабища, нависла надо мной и аж визжала: «Советская студентка, будущий журналист не имеет морального права любить человека из вражеской нам системы. Это предательство! Хотите, чтобы вас выгнали из комсомола, исключили из университета, – так я вам это устрою». И я тихо пыталась оправдаться: «Мы не собираемся жениться». Но после этой

собственной фразы я вдруг задумалась: как же мне помягче ему сказать, что не могу я стать ему женой. Мол, учеба у меня...

Воспоминания так ее возбудили, что она как наяву стала представлять их последнюю встречу: Жак опять сидит за столиком. Садится и она. Кладет сумочку на стол и закрывает лицо руками. Жак отнимает их, видит слезы, достает платок и осторожно их вытирает.

Слышится их диалог.

– Жак! Милый Жак! Нам не суждено быть вместе.

– Я знаю.

– И вам не разрешают?

– Нам не запрещают. Я могу взять себе в жены женщину из любого уголка нашей планеты.

– И даже из вражеской системы?

– У нас этот вопрос не стоит.

– А ты... Ты мог бы остаться у нас?

После паузы.

– Я хотел бы взять тебя, моя милая девочка, в мою страну.

– Останься. Перебежчиков принимают.

– Знаю. Но не могу. Тогда бы мне пришлось клеветать на свою страну, свой народ, отца, братьев предать. Милая, прости меня! Я не знал, что у тебя из-за меня будут такие неприятности.

Голоса затихают. Жак взял ее руки и стал целовать каждый пальчик. Эва как бы приходит в себя: Жак исчезает.

– Жак смотрел на меня, и в глазах его стояли слезы. Я сняла их своим платком, прижала его к своим губам. «Ты прощаешься со мной?» – «Да. Уходи первая». Но моя рука все еще была в его руке, и он ее целовал. От нахлынувших чувств я так ослабла, что с трудом поднялась, хотела что-то сказать, но не смогла. Увидев, как опустил Жак голову на свои руки и издал глубокий вздох, я тихо побрела к выходу.

Я все поняла, милый Жак. Ты любил меня. Может, не так сильно, как я тебя, но достаточно, чтобы мне можно было гордиться, что на мою долю выпало счастье любить достойного человека. И именно это обстоятельство подняло так высоко мою самооценку, что я уже никогда не смогла мириться с серостью, сломаться под житейскими невзгодами.

Кладет в чемоданчик сумочку и перчатки.

– Эти вещи мне дают возможность не забывать ту сказку. Я их берегу...

После паузы.

– Две любви. Такие далекие по времени и близкие по ощущениям. Потому прошу тебя, Бог мой, пусть моя теперешняя любовь станет моей последней.

Пусть круг замкнется! А все, что было между ними, внутри круга, будем считать поиском продолжения первой любви. И первых моих ошибок. А их было немало. Я нравилась мужчинам зрелым. И мне были не интересны мои ровесники.

Присела в кресло и, справившись с волнением:

– Время лечит раны и сердечные. Особенно в молодые годы. Как-то незаметно я дала повод влюбиться в себя красивому летчику, к тому же, оказалось, вдовцу. И он с ходу стал меня сватать.

Опять берет альбом, находит нужную фотографию.

– Подарил фотографию, где он снят со своим сыночком. Красивый ребенок, весь в папочку.

Отложила снимок.

– Но папочка был (или мне казался) тоже взрослым ребенком. С большим трудом учился на истфаке. А тут, как на грех, он подошел ко мне со своим товарищем. Я замечала его на общих потоковых лекциях, значит, он мне нравился. Когда же он заговорил, посмотрел на меня, мое сердце выбрало синь его глаз.

Откинулась на спинку кресла.

– Вспоминаешь ли ты меня? Помнишь ли ты наш тихий, почти семейный роман. Меня пленял твой голос, глаза, твой интеллект. Какое-то беспокойно-радостное чувство вошло в меня. Я помню каждое слово, сказанное тобою в тот июльский вечер.

В воспоминаниях приходят слова, и Эва слушает их с горькой усмешкой.

– Эва, милая девочка! Я женат. У меня дочь. У нас нет будущего.

– Пусть не будет его завтра...

– Я не должен был... А теперь ты в моих руках, и мне их не разнять.

– И не разнимай. Мне так хорошо в твоих руках!

Поднялась, заходила в недоумении.

– И как такое могла сказать девушка тех лет? Разве только эти слова я подслушала с экрана. Впрочем это не важно! Ну изобразила искусственную женщину. Вот и оказались мы в отдельной комнатке где-то на Сторожовке. Там не только хозяйка, добрая женщина, но и мы сами стали считать себя мужем и женой. Мою шутку Кирилл принял всерьез: купил себе печатку, а мне колечко с бриллиантом, и мы надели их друг другу на пальцы.

Рассматривает свои руки.

– С тех пор я и ношу его. И вообще, Кирилл был человеком щедрым, любил делать мне подарки. А остальное все было без фантазий: завтрак в кафетерии, лекции, обед в кафе «Минск», читальный зал, ужин дома тем, что покупалось в магазине, подготовка к зачетам, экзаменам и сон в общей постели. И

никаких горячих ночей. Чисто семейный быт, только без готовки, большой стирки. Скоро мои однокурсники привыкли видеть нас вместе и стали даже пользоваться запасом его интеллекта. И так несколько лет: две недели в зимнюю сессию, месяц – в летнюю. И верность полная: ни шагу – ни влево, ни вправо. Но в душе покоя не было. И не напрасно.

После паузы и даже слез.

– В день получения диплома, когда душа пела, ко мне подошла женщина с перекошенным от злости лицом и стала что-то кричать. Но я не слышала: так билось мое сердце. Так бьется птица в клетке, где ей тесно. Тесной показалась мне и наша комната, где я металась и скулила как щенок.

Воспоминания возвращают ее в то время. Она мечется:

– Боже! Как жить дальше? Куда деть глаза от однокурсников на банкете? Я столько времени и так гордо носила себя рядом с чужим мужем. Господи! Прости меня! Я обещаю не разбивать эту семью. И вообще – никогда и ничью не стану разбивать. Только прости!

Эва опускается на колени и почти ползает, выпрашивая прощение. Наконец, придя в себя, поднимается.

– Скоро прибежал Кирилл. Он бросился на колени, обнял мои ноги.

Опять пошли воспоминания с присутствием Кирилла и диалогом в памяти, как в радиоспектакле.

– Прости меня, девочка моя!

– Почему она приехала?

– Я подал на развод.

– Зачем?

– Мой долг перед тобой.

– Только долг?

– Я люблю тебя.

– У тебя долг перед ней и дочерью.

– Ты права. Тебе легко: ты не любишь. Ты только позволяешь себя любить.

– Как?

– Так, милая. Ты любишь мою любовь. Мне так и не удалось разбудить в тебе любящую женщину.

– Я женщина. У меня даже мог быть ребенок.

– Видишь, мог, но его нет.

– Прости! Но ты был так далеко.

– Ты меня прости, дорогая моя девочка для услады, для праздников.

Последние слова прерывают воспоминания, Кирилл исчезает. Эва опять отпила вина и в истоме опускается в кресло.

– Боже! Как оскорбили меня его слова! Так оскорбили, что в каком-то смысле помогли мне выкинуть его из сердца. Как только оно начинает ныть по его привычным нежным объятьям, я говорила себе: «Эвелина! Он же почти назвал тебя проституткой. Женщиной для утех и праздников. Но ты ошибаешься, мой умник! Я обычная! Я как все женщины стану женой кому-то. Советская женщина не может быть только для праздников.

Ставит фужер, поднимается.

– Ой, до чего же мы были закомплексованные. Любовные утехы для меня казались какой-то непристойностью. А может, это от того, что он не целовал моих рук, ладошек, пальчиков. И все же я благодарна судьбе, что все так случилось, и я не отняла у той, как мне показалось, старой, некрасивой женщины мужа. Счастливым Кирилл со мной не был бы, да и я с ним. И теперь я это понимаю. А ведь сколько потрачено душевных и физических сил, чтобы заочно доказать ему, что я женщина как все женщины. А может хотелось доказать себе самой? Но ведь сегодня я же знаю, что слова Кирилла не были злыми. Это были слова пророчества: есть тип женщин, которым нормальная семейная жизнь в тягость. И не надо издеваться над природой. Надо смириться. И чем раньше, тем лучше. Будет больше времени, чтобы стать личностью. И не только интересной, но и загадочной, Ведь не может быть загадочной та особа, на лице которой, в глазах ее – одно пламенное желание: возьми меня в жены. Любыми способами, лишь бы за кого, но замуж. Главное – стать как все – серой вороной, только бы не быть белой. Заклюют же. И меня клевали. И мать, и подруги, и вся родня. Это сейчас они мне завидуют, а тогда такими павами ходили, так хвосты распускали.

Снимает со стены снимок в рамке.

– Вот и стала я как все: вышла замуж. Утешила сердце мамы. Эта свадебная фотография долгие годы висела у нее на стене, а недавно она самолично повесила ее у меня: пусть, дескать, люди видят, что ты замужем была.

Рассматривает снимок.

– Была. И очень даже пристойно смотрелись. Как за польским часом: молодая особа рядом с представительным шляхтичем. Имел квартиру, машину, деньги и ответственную должность. Не хватало только красавицы жены.

Отложила снимок.

– Во всем разбирался человек: в политике, экономике, даже в технику. Только не в медицине. Никакого терпения: сына ему подавай. Наследника. Посыпались упреки: не любишь. У тебя даже рука не падает...

Рассматривает свои руки.

– А вы не падали, потому что вас не целовали. Он не догадывался, а я стеснялась сказать. И вот однажды (Рассмеялась.) я отбросила руку. Но мой супруг тут же сел и сказал: «Не делайте из меня идиота, Эвелина Адамовна. Не имитируйте». Он всегда, когда был недоволен мною, называл меня Эвелиной Адамовной и обращался только на «вы». Как в старой благородной литературе. Таких обращений становилось все больше. Сына не предвиделось. И однажды я решила, что ребенка у меня не будет, и сказала об этом своему благоверному. Он помолчал и с покойно сказал: «Эвочка! Давайте разведемся. Только не в суде, а загсе». И я согласилась. За это он снял мне жилье, перевез все мои вещи и даже шубку и шапку из чернобурки, которую сам мне купил. Еще пошутил, мол, не хочу напоминаний о том, что был старым козлом. При нем жила Зиночка, экономка, влюбленная и преданная. Меня она приняла спокойно и выпроводила без сожаления. Меньше чем через год она родила ему сына Сашеньку. И слава Богу! Он получил сына, а она явно любимого человека. В сыне он души не чает. Мальчик – умный, талантливый. Теперь я для них всех – только Эвочка. С Новым годом меня поздравляет Зиночка, а с 8-м марта исключительно мужчины – папа с сыночком. Вот такая идиллия. И замужем побывала, и друзей приобрела.

А вот с Кириллом у меня связи нет. Жив ли? Пока не уехал за границу, слал мне открытки без обратного адреса.

Не забывает свою юношескую любовь и Аладик. Звонит. Заезжает иногда на чашку кофею. И я бываю у них.

И только не сложились у меня отношения с моим последним законным супругом.

Перекрестилась.

– Очень надеюсь, что последним. Больше я на эти грабли не наступлю.

На какое-то время ей становится тоскливо и, чтобы избавиться от тоски, она начинает поддразнивать себя.

– Ну что, дорогуша! Скребнут кошки. Мучает совесть. А может, сожалеешь все-таки? Можно же было жить. Красавец! Вылитый Штирлиц – Тихонов. Интеллект! Кабинет, спальня... Но в кабинете пишущая машинка, а в спальне к ковру прикреплен график на месяц. Конечно, можно было сохранить с ним дружеские отношения. Надо было, лишь уходя, не хлопать дверью. А я хлопнула.

Появилось наигранное веселье.

– Получилось, как в анекдоте: встречаются в читальном зале два научных деятеля. Первый говорит: «Дождаться не могу защиты. Как только – сразу

женюсь. У любовниц одни претензии». А второй ему: «А я готов развестись, чтоб защититься. У жены такие претензии». – «Что и на квартиру?»

После паузы.

– Впрочем, пусть винит свою сестрицу, мою коллегу. Это она мне его сосватала: двушка в центре, докторская вот-вот. Вот я и решила: а почему бы и нет? У меня есть опыт. Я уже доросла до того, чтобы на улице выглядеть королевой, дома и на кухне – хозяйкой, а в спальне – проституткой. Мой второй, вернее, третий муж разбудил-таки меня. Для выходов на улицу одеть было что. В доме чистота, порядок, пахнет выпечкой. А вот в третьей позиции – дискомфорт полный. В графике синих квадратиков так мало.

За шторой сняла костюм, надела свой красивый халат. Складывая костюм в чемодан.

– Уж как я ни старалась только: шикарное белье, халаты; белье постельное заграничное; сама цвету и пахну. А он – пообедаст, поспит и к столу. Потом, поужинав, за машинку и строчит. А мне от безделья хоть в омут. Ну, почитаю, фильм посмотрю и в холодную кровать ложусь. Согрею – он подкатится, обнимет, поцелует, потом на бочок и все. Зато утром уж как благодарит за завтрак: за кашку в одну щечку, за гренки – в другую. И ручки мне целует за хорошо отглаженную рубашку. Любил повторять, мол, путь к мужскому сердцу лежит через его желудок. И делал это так часто, что я однажды не выдержала и крикнула: «Хватит мне про свой желудок! Надоело! у меня, между прочим, сердце есть, душа...» Но мой маленький бунт не был воспринят благоверным как SOS. У него была напряженка: он вышел из графика, составленного его руководителем. По всему кабинету валялись газеты, журналы с закладками, выписки, вырезки. Дети бы тут навели свой порядок, вернее беспорядок. И потому он их как огня боялся, не отступал от графика, высчитанного, между прочим, на ЭВМ, ни на йоту. В те годы жить по графику было модным фактором, о нем писали. Только до этого и доросли совковые пары, ибо секса в стране Советов не было как элемента капитализма, буржуазной развращенности. Хотя развратником мой ученый крот – еще каким был...

Безрадостные воспоминания перешли в те, которые ее рассмешили.

– И вот в один из вечеров, когда мой супруг (Поднялась) сидел вот в этом кресле с очередным чтивом...

В кресле появляется мужчина в домашней одежде.

– ... я приняла ароматизированную ванну, высушила феном волосы и пошла в наступление.

Эва демонстративно забирает у него журнал и бросает на пол, садится ему на колени так, чтобы халатик обнажил голую ножку. А когда муж не отреагировал, растянула его рубашку и стала гладить его грудь, плечи.

– Наконец глаза его потеплели, закрылись от удовольствия. Он ответил мне поцелуями. Но вдруг, похлопав ниже спины, он сорвался и побежал в спальню, по сути, спихнув меня.

Мужчина убегает. После паузы, без юмора:

– Там он, конечно, рассмотрел график, но мне сказал, что у него срочная работа. Целовал, извинялся, но остался при своем. «Ты зря опасешься, дорогой, – сказала я зло. – У нас вообще может не быть детей». – «Будут. Есть еще порох в пороховнице, старушка», – без особого внимания сказал он мне, опять листая тот же журнал. Слово «старушка» напомнило, что мне уже за тридцать. Слезы обиды и злости наполнили мои глаза. Я порвала график на мелкие части, положила эти обрывки ему на стол и ушла ночевать к подруге. «Боже мой! – накручивала я себя по дороге. – Он не хочет думать о моем здоровье, о моем самочувствии. Чертов крот. Уж лучше одной, чем с таким. Небось, имеет где-то любовницу. Не с его темпераментом поститься. Да лучше бы заставил он меня аборт сделать». При активной поддержке подруги я подала на развод.

С горечью и злобой села на тахту.

– На этот раз через суд. Мне захотелось отомстить этому сытому, довольному жизнью ученому кроту. Я знаю: меня осуждали. Даже мои подруги. У меня и сейчас совесть неспокойна. Но зато есть эта квартира.

Повеселев:

– А моему бывшему теперь не приходится бегать из кабинета в спальню, чтобы определиться в «любви». У него такая же однокомнатная. И график висит на том же ковре, над тем же велюровым диваном, который раскладывает на ночь его юная жена-аспирантка. теперь, надеюсь, у них полное взаимопонимание: он все еще работает над докторской, а она – над кандидатской. И дети им все еще ни к чему. Так что, будем считать, я им обеспечила «безопасный секс», а себе – уютное гнездышко. Я считаю, что это реванш за утехи. И пусть меня считает мой ученый муж последней дрянью, мне на-пле-вать. Есть мужчина, для которого я самая лучшая, самая желанная.

Новые воспоминания принесли облегчение и радость.

– Мы встретились с ним в танцзале санатория. Его обхаживали две дамочки из новорусских или белорусских. Мы встретились с ним глазами. «О, Боже! Опять голубые глаза. И мой любимый седой ежик. Все, Эвелина! Ты пропала,

если он тебя пригласит!» – подумалось мне. И он пригласил. И было танго.

Эва услышала звуки танго, ее подхватили руки мужчины. Они танцуют. Музыка затихла. Мужчина исчез.

– Руки незнакомого мне мужчины были похожи на руки Жака. Он даже поцеловал мою руку после танца совсем как Жак.

Эва присела.

– И понеслось. Он пересел за мой столик. После процедур мы гуляли. Гуляли часами по берегу озера Нарочь. Кормили лебедей. Я знала, что мой знакомый был после инфаркта. И зная, какие флюиды будет источать моя оттаявшая плоть, я не смела даже касаться его. Только в танго моя плоть отдыхала. Я тонула в его руках.

Была зима, кругом снега,

А в моем сердце весна проснулась.

Уносит чемоданчик, возвращается.

– И даже если он немножко привирает, что я самая-самая, – я буду делать вид, что верю. Сама себя изводить не буду, а его – тем более. Я заново познаю счастье:

Я ўзячна Богу за спатканне,
а свайму сэрцу за апрызнанне
ў ім таго,
чыё вачэй цяпло
ў душу здранцвелую маю
праменьчык сонца
здолеў пасяліць.

Ведь было же время, когда я считала себя самой разнесчастной. Мне уже не верилось в свою обаятельность. Начала себя ощущать никому не нужной. Подурнела. Стала даже равнодушной к нарядам. Было очень плохо. Пока я не сказала себе: «Эвелина! Кирилл был прав. Ты не создана для семьи. Все эти выпечки, закатки... Они тебе нужны?! Вон как растолстела. Хватит! Твое предназначение в другом. Ты хороший редактор. Пишешь стихи. И, говорят, неплохие. Живи, как живется!» И я опять почувствовала вкус жизни. Ношусь по магазинам, даже шопингам. Смотрю спектакли, концерты. Хожу в спортзал два раза в неделю, а по субботам – в баню. Опять стала стройной и улыбчивой. Словом – такой, какой могу быть. И если мое существование в роли женщины для праздника, для утехи – приносит радость израненному житейскими обстоятельствами человеку, делает его счастливым, уверенным в себе, добрым – значит, такой меня запрограммировала природа, такой я ей нужна! Я не строю планов. Я живу в ожидании встречи. Не зря говорят: не тот человек счастлив, кто много имеет, а тот, кому немного надо. Сейчас мне

немного надо: услышать голос, увидеть глаза, почувствовать прикосновение его губ. А главное – дать волю своим чувствам, которые переполняют меня, которые не были востребованы. А как это прекрасно, как волнующе, когда есть кому говорить – любимый...

Опять воспоминания разволновали Эму.

– Мы знаем – вместе нам не быть. От этого я обычно так волнуюсь перед его звонком. А вдруг он сказал себе: «Хватит, друг ситный! Так можно зайти далеко» и не позвонит. А я буду ждать. Ждать его привычных слов: «Хеллоу! моя прелестница! Хеллоу! Самая привлекательная и обаятельная...» Иногда я так отчетливо вижу себя брошенной, вернее, покинутой, что мне хочется умереть от тоски. Но в назначенное время я беру трубку и слышу: «Здравствуй, свет очей моих. Привет, услада жизни моей!» И в одно мгновение я воскресаю, делаюсь спокойной, счастливой. Такой встречаю... Такой и провожаю. И опять начинаю жить воспоминаниями и ожиданиями. И готова жить так всегда и столько, сколько отведет нам природа. Конечно, мечтать умереть в один день не стоит. И вообще, я могу не знать, что он умер, и ждать. Я ведь домой ему не звоню. Такое решение роиняла я и буду его придерживаясь, хотя, если честно признаться, так иногда хочется набрать его номер.

Звонит телефон.

– Але! Боже! Что случилось? Откуда ты? От себя? А где твои? В гостях. Ах, задерживаются... Ну, и что. В гостях иногда приходится. так что включи телек... Ах, ужина нету. Готовь сам – за делом и время пролетит. Спокойного вечера. И я тебя. Очень, очень!

Целует в трубку. Задумалась.

– Неужели он ревнует? Он такой взволнованный. Ну и что? Не накручивай себя, Эвелина. С ней сын. Дорога, транспорт... Видишь, как ты испугалась – а вдруг ревнует. Она моложе его на тринадцать лет. Тебе бы, Эвочка, хотелось видеть в ней нечто подобное Майке или жене Кирилла. На их фоне легче было бы верить, что ты самая-самая...

Эта мысль выводит из равновесия.

– А если она красивая, сексуальная, и он с ума сходит по ней? Ну, ты сейчас договоришься, дура набитая. Она была, есть и будет. Возьми себя в руки! Главное: ты любишь. И любишь так, как не умеет она. Иначе ему не нужна была бы другая. Он не перенес бы инфаркт на ногах, не рассказывал бы мне о покойной теще, которая всегда была на его, зятя, стороне. И не надо ничего больше знать. Вспомни, Эвелина, свое обещание Всевышнему! Не строй планы. Не мучь ни себя, ни его. Нам хорошо вместе, хорошо в разлуке, потому что она сулит встречу. Не усложняй жизнь! И не думай, что твои

умозаключения выгодны только для его семьи. Нет. Они выгодны и для тебя: ну, уведешь его от жены, а от сына – нет. Он будет постоянно думать о нем. Его совесть замучит: это же при живом отце безотцовщина растет. Сына ты ему не заменишь. И я бы это видела. И нашему счастью пришел бы конец. А я не хочу такого конца! Мне хочется делать его счастливым, чтобы и мне он дарил счастье. Мы будем подпитывать друг друга светлой энергией. И не надо это разрушать.

Пробует подиутить над ситуацией.

– Видишь, какой домостроевец: бедной жене у подружки надо на часы смотреть. А может у нее именины или еще что. В конце концов, она поехала не одна, а с сыном.

Начинает убирать фужеры и емкость.

– А если бы и одна. Почему мужчинам можно, а женщинам нет. Разве не бывает женам при мужьях одиноко? Вспомни себя, наконец.

Обрывает себя.

– О, куда тебя занесло, дорогуша. Еще немножко, и твоя соперница превратится в жертву. А твой любимый тогда в кого? И вообще, хватит переливать с пустого в порожнее. Займись-ка делом.

Уносит емкость с фужерами, возвращается с тряпочкой, начинает тереть столик. Звонит телефон.

– Але. Слушаю. (Рассмеялась.) Что опять? Решил реабилитироваться? Ах, сынок любит гренки. Ясно. Как я гренки готовлю? Ну, запоминай: приготовь нетолстые ломтики батона... Приготовил и даже намазал маслом. Похвально!

С трубкой у уха выходит в прихожую, по пути включив радио, из которого понеслась песня:

Калі ж мае з тваімі вочы
Сустрэнуцца ў чарговы міг,
Праз вочы сэрцы нам зашэпчуць,
Праз вочы сэрцы нам зашэпчуць
І прыгадаюць казку для дваіх.
І прыгадаюць казку для дваіх.

Возвращается, продолжая разговор.

– Люблю, люблю милый. Целую...

И подхватывает песню:

– А тую казку, можа стацца,
Падхопіць вецер і ўпляце
У вецце вербы, у лісце клёна,
У вецце вербы, у лісце клёна,
У чабаровы пах,

У чабаровы пах,
Што туліцца к зямле.

При продолжении мелодии свет гаснет.